

Нет автора

Русская старина

1892. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1892. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 761 с.

ISBN 978-5-458-02823-3

ISBN 978-5-458-02823-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

редакторъ-издатель историческаго изданія

«Русская Старина»

1870—1892 гг.,

† 9-го марта 1892 г.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

1837 род. 4-го января 1892.
† 9-го марта

Р

усская наука и журналистика вообще и „Русская Старина“ въ особенности понесли тяжелую утрату: 9-го марта скончался въ Кронштадтѣ основатель „Русской Старины“ М. И. Семевскій. Покойный много и честно потрудился въ весьма въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, но въ настоящемъ некрологѣ мы не задаемся цѣлью представить его біографическій очеркъ (для этого мы не располагаемъ достаточнымъ временемъ), а желаемъ указать лишь на главнѣйшіе факты его жизни.

Отецъ Михаила Ивановича, Иванъ Егоровичъ, помѣщикъ Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи, былъ человекъ образованный и начитанный, какъ это видно и изъ того, что въ своемъ имѣніи онъ собралъ хорошую и обширную бібліотеку. Мать, по происхожденію поляка, урожденная Богуцкая, была женщина, заслуживающая самаго глубокаго уваженія. Михаилъ Ивановичъ, родившійся 4-го января 1837 года, былъ ихъ вторымъ сыномъ, но за нимъ послѣдовало еще десять человекъ дѣтей: впрочемъ, изъ всего этого многочисленнаго семейства лишь семеро пережили годы дѣтства. Иванъ Егоровичъ позаботился о томъ, чтобы найти для воспитанія своихъ дѣтей хорошаго педагога, и

такимъ, дѣйствительно, оказался прожившій многіе годы въ его семьѣ І. И. Малевичъ (онъ былъ впоследствии учителемъ С. В. Ковалевской). Такъ какъ содержаніе большой семьи поглощало доходы съ имѣнія средняго размѣра (въ немъ, по старому счету, было сто душъ), то Ивану Егоровичу пришлось опредѣлять своихъ сыновей на казенный счетъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ самъ одно время служилъ. Его второй сынъ, Михаилъ, какъ и всѣ остальные, учился прекрасно.

Изъ Полоцкаго кадетскаго корпуса Михаилъ Ивановичъ перешелъ въ бывшій Дворянскій полкъ, при немъ переименованный въ Константиновскій корпусъ (нынѣ Константиновское военное училище), гдѣ учился у извѣстнаго преподавателя литературы и переводчика сочиненій Диккенса, Иринарха Ив. Введенскаго, и откуда выпущенъ въ іюнь 1855 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Съ первыхъ чиселъ іюля 1855 г. до конца сентября 1856 г. Михаилъ Ивановичъ находился въ Москвѣ въ составѣ отряда войскъ, собранныхъ тамъ по случаю коронаванія императора Александра II. Во время пребыванія въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ познакомился со многими московскими литераторами, и между прочимъ, съ А. Н. Островскимъ. Объ этомъ знакомствѣ онъ рассказываетъ слѣдующее въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ:

„Первое мое свиданіе съ Островскимъ было осенью 1855 г., когда я, еще 18-ти лѣтнимъ офицеромъ, преисполненный безпредѣльнаго уваженія къ таланту Островскаго, отправился къ нему на поклонъ... въ маленькій его домикъ (въ Москвѣ). Я не имѣлъ ни малѣйшаго рекомендательнаго письма; офицерскій мундиръ мой, хотя и гвардейскій, въ то время не пользовался особенными симпатіями, по крайней мѣрѣ въ кругу писателей, державшихся въ сторонѣ отъ военнаго круга. Островскій принялъ меня угрюмо, сдержанно, молчаливо, но пылъ и увлеченіе юнаго его поклонника скоро его смягчили, и я, со втораго, съ третьяго раза, уже вошелъ въ кружокъ его обычныхъ посѣтителей. Именно тогда-то, въ зиму 1855—1856 гг., я познакомился у него съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, Сергѣемъ Николаевичемъ Эдельсономъ, артистомъ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ, молодымъ комикомъ Васильевымъ, весьма извѣстнымъ впоследствии, а тогда еще очень юнымъ

† 9-го марта 1892 г.

7

Иваномъ Федоровичемъ Горбуновымъ, съ Микулиной-Косицкой и нѣкоторыми другими. Этотъ кружокъ талантовъ, людей чисто русскихъ, веселыхъ, разговорчивыхъ (этого, однако-же, нельзя сказать о покойномъ Садовскомъ), чрезвычайно мнѣ понравился, а личное знакомство съ самимъ Островскимъ не только не уменьшило моего въ нему уваженія, какъ къ даровитѣйшему отечественному писателю, но, если можно сказать, даже увеличило“.

Результатомъ знакомства съ А. А. Григорьевымъ, стоявшимъ тогда во главѣ молодой редакціи „Москвитянина“, было появленіе въ этомъ журналѣ перваго печатнаго труда М. И. Семевского „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ“ (письмо къ редактору журнала „Москвитянинъ“), въ которомъ сообщались свѣдѣнія и историческіе документы о предкахъ А. С. Грибоѣдова. О томъ, какъ пробудилась въ авторѣ этой статьи страсть къ изученію русской исторіи, и о началѣ и первыхъ годахъ его литературной дѣятельности мы находимъ свѣдѣнія въ слѣдующей, въ высшей степени интересной, автобіографической замѣткѣ, продиктованной имъ самимъ стенографу въ 1876 году:

„Отечественную исторію я сталъ изучать съ весьма раннихъ лѣтъ моего возраста. Я говорю „изучать“ потому, что уже 15—16 лѣтъ не довольствовался однимъ учебнымъ курсомъ, а старался прочитывать, какъ говорилось въ школѣ, „постороннія книги“, имѣвшія болѣе или менѣе отношеніе до родной старины. Какъ теперь припоминаю, изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились Біографіи и Словарь достопамятностей россійскихъ. Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною, и прочитана не одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе и въ нихъ—въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами—я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь.

„Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки „Записки о Россіи“ Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ очинительству. Я вздумалъ, по ней, по одной этой книгѣ, соста-

вить біографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана, трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль, и самой внѣшности этой біографіи придавъ, быть можетъ самъ того не замѣчая, такой-же видъ, какой имѣли біографическіе очерки въ словарь Бантышъ-Каменскаго. Мнѣ было 16, много 17 лѣтъ, когда я, такимъ образомъ, выступилъ на поприще составленія, будто-бы, самостоятельныхъ очерковъ.

„Профессоромъ исторіи былъ у меня извѣстный въ свое время по бездарности Михаилъ Ивановичъ Касторскій — тотъ самый, который въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря какой-то протекціи, могъ занимать кафедру въ петербургскомъ университетѣ. Это былъ старичекъ довольно уморительной наружности, съ весьма странными^о ухватками и положительно не умѣвшій проговорить полчаса связно и логично. Преподаваніе его сводилось къ устряловскому учебнику, но разбавлялось однако одною особенностью: изрѣдка онъ обращалъ вниманіе своей аудиторіи на источники. Такъ, напр., онъ останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ о лѣтописцѣ Несторѣ, на нѣкоторыхъ его продолжателяхъ и даже знакомилъ съ подлинными грамотами. Связь изложенія исторіи съ источниками къ ней у него была весьма мала, отрывочна, но тѣмъ не менѣе большое спасибо его памяти за то, что онъ далъ мнѣ, хотя и самое поверхностное, понятіе о томъ, что такое источники. Это до такой степени вполнѣдствіи времени сослужило мнѣ службу, что, какъ теперь помню, въ своей педагогической практикѣ преподаванія отечественной исторіи, я не иначе преподавалъ ее, какъ опираясь на примитивныя, т. е. первоначальныя данныя къ излагаемымъ событіямъ. Страсть или, лучше сказать, способность къ компилятивнымъ работамъ, къ обращенію съ источниками внушена мнѣ была также и нѣкоторыми другими преподавателями въ нашемъ заведеніи, которые задавали темы, требуя обработать ихъ по рекомендуемымъ книгамъ. Такъ, напр., мнѣ, на 18-мъ году жизни, довелось писать большое сочиненіе — очеркъ исторіи русскаго театра, какое-то статистическое сочиненіе, мною теперь совершенно забытое, очеркъ исторіи государственнаго совѣта — это изъ науки законовѣднія, и нѣкоторыя другія. Первая изъ названныхъ компиляцій, какъ ни слаба она была, сослужила мнѣ ту службу, что дала возможность погрузиться въ исторію

русской литературы XVIII столѣтія. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ названной темы, когда-бы еще довелось мнѣ перечитать журналы Новикова, Александра Сумарокова, сочиненія Екатерины II, братьевъ Эминыхъ, журналы Крылова, Рубана, Козицкаго, Дашковой и проч. и проч. Между тѣмъ, тутъ, имѣя въ виду свою литературную работу, я, такъ сказать, всецѣло погрузился въ эти сѣренькія, плохой старинной печати, книги, и цѣлыми днями просиживалъ въ публичной библіотекѣ.

„Сочиненія вышли, конечно, плохія, хотя и сопровождались весьма пышными аттестаціями преподавателей. Но масса усвоенныхъ фактовъ осталась дорогимъ приобрѣтеніемъ для послѣдующей моей жизни. Возвращаясь къ этому труду,—я говорю объ очеркѣ русской народной комедіи, а не театра, — скажу, что, и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, я посвятилъ ему около года довольно усидчивой работы, и руководителемъ или, лучше сказать, подстрекателемъ къ этому труду былъ извѣстный въ свое время профессоръ русской словесности и самый лучший переводчикъ англійскихъ романовъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій. Онъ былъ уже слѣпъ, когда я его зналъ и когда его помню. Но, несмотря на слѣпоту свою, этотъ человекъ сохранилъ всю горячность молодости, необыкновенную энергію и потребность возбужденія окружавшихъ его молодыхъ людей къ неустанному и упорному умственному труду. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна, а самая наружность до чрезвычайности симпатична. Вообще вся эта фигура преждевременнаго инвалида труда дѣйствовала необыкновенно обаятельно на всѣхъ, кто сколько-нибудь ближе съ нимъ сходилъ. Какъ теперь помню, съ какою боязнью явился я къ нему на Петербургскую сторону, недалеко отъ Тучкова моста, въ 3-й этажъ, въ весьма скромную квартиру, и давалъ отчетъ о ходѣ своихъ занятій въ публичной библіотекѣ. Какъ теперь помню, какъ сжималось у меня сердце при отчетахъ о томъ, что работа у меня далеко не спорилась такъ, какъ было-бы желательно моему руководителю. Въ пылкомъ воображеніи Введенскаго этотъ трудъ уже являлся вполне законченнымъ, а между тѣмъ, какъ онъ самъ не могъ не видѣть изъ моихъ отчетовъ, его питомецъ барахтался лишь только въ первоначальныхъ источникахъ къ этой работѣ—въ журналистикѣ и въ произведеніяхъ вообще русскихъ авторовъ екатерининской

эпохи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, припадокъ злой холеры унесъ Введенскаго въ могилу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и работа моя какъ-бы оборвалась. Я возвращался къ ней уже, такъ сказать, эпизодически, взявши на себя въ то-же время преподаваніе русской словесности, а вслѣдъ затѣмъ и отечественной исторіи въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Крайній недостатокъ средствъ, ничтожность задѣльной платы за уроки, небольшой кругъ знакомыхъ и полное невѣдѣніе литературныхъ кружковъ, которымъ, по самому своему воспитанію, я былъ вполне чуждъ, т. е. стоялъ отъ нихъ волею-неволею въ сторонѣ ¹⁾—все это не могло развить во мнѣ мысли когда-нибудь выступить въ печать. Видѣть какую-либо строчку своихъ писаній въ печати казалось дѣломъ столь несбыточнымъ, что не могло даже придти и въ голову 21—23 лѣтнему молодому человѣку. Между тѣмъ, это несчастіе случилось гораздо ранѣе, чѣмъ и можно, и должно было надѣяться. Смѣло говорю „несчастіе“, потому что для будущаго литературнаго работника, хотя-бы и весьма второстепеннаго, хотя-бы и не оригинальнаго, не самостоятельнаго, а компилятора, надо выступить въ печать сколь возможно позже. Преждевременное тисненіе отучаетъ отъ упорности въ работѣ, отъ всесторонней обдуманности писаннаго и, наконецъ, слабые очерки неопытнаго пера съ именемъ несозрѣвшаго автора выбрасываетъ на судъ, иногда придирчивой, но большую частью справедливой критики. Между тѣмъ рѣзкіе отзывы значительно обезкураживаютъ его и не мало доставляютъ горькихъ минутъ въ его жизни. Короче сказать, не только беллетристу въ особенности, но даже и скромному компилятору историческихъ статей я всегда посоветую начать сколько возможно позже выдвигаться на печатную арену. Въ моей, однако, жизни случилось какъ разъ напротивъ.

„Въ томъ кружкѣ Введенскаго, въ которомъ вращался я, вращался, впрочемъ, весьма короткое время, такъ какъ сблизился съ нимъ лишь за годъ до его преждевременной кончины, былъ гвардейскій офицеръ, нѣкто Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, весьма расторопный и смысленный человѣкъ, который, замѣтивъ оживленіе нашей журналистики съ первыми годами

¹⁾ Сношенія съ Введенскимъ предшествуютъ поѣздкѣ въ Москву.

царствованія имп. Александра Николаевича, рѣшился примкнуть къ этому движенію съ изданищемъ небольшимъ по объему, но съ весьма заманчивымъ заглавіемъ: „Общезанимательный Вѣстникъ“. Это былъ весьма жидкій по объему, но иллюстрированный журналъ, и, какъ по самому своему заглавію, такъ и по значенію и, наконецъ, въ особенности по иллюстраціямъ. — еще тогда довольно новымъ, ибо прежняя „Иллюстрація“ давно зачахла и не существовала, а новой еще не возникало,—этотъ журналъ могъ-бы очень и очень пойти, если-бы успѣхъ не подѣйствовалъ на г. Рюмина совершенно обратно тому, чего можно было ожидать. Успѣхъ, повторяю, былъ, но собранныя деньги пошли на мотовство—на угощеніе пріятелей, и журналъ послѣ года или 1½ исчезъ самъ собою. Какъ ни кратко было его существованіе, но и онъ нуждался въ сотрудникахъ. Кругъ людей пишущихъ былъ въ то время не великъ, да и всѣ пишущіе распредѣлялись по небольшому числу тогдашнихъ журналовъ. Между тѣмъ, новое изданіе било на то, чтобы открывать новые таланты. Къ тому-же это было и для издателей гораздо дешевле. Въ числѣ открытыхъ дарованій и пишущій эти строки былъ заповоненъ Рюминымъ на страницы его изданія. Подмѣтивъ во мнѣ любовь къ отечественной исторіи и къ старинной отечественной словесности и нѣкоторыя усвоенныя въ этомъ отношеніи знанія, Рюминъ упросилъ меня дать ему двѣ или три монографійки. Одною изъ первыхъ была статья изъ временъ императрицы Анны Іоанновны, а именно, о ледяномъ домѣ и придворномъ бытѣ ея времени. Такимъ образомъ, чтеніе записокъ Манштейна, Бавтышъ-Каменскаго и изученіе скуднаго арсенала русскихъ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка не пропало для меня безслѣдно; оно привлекло къ составленію первыхъ статей, съ которыми, повторяю, имѣлъ несчастіе слишкомъ рано выступить въ печать.

„Журналъ Рюмина растаялъ, т. е. исчезъ, но толчокъ въ литературѣ,—не имъ, а духомъ новаго времени,—былъ данъ, и новые журналы стали зарождаться чуть-ли не десятками. Едва-ли число читателей возрастало такъ быстро, какъ стало возрастать число пишущихъ, число сотрудниковъ. Сколько тогда появилось поэтовъ, критиковъ, романистовъ, въ особенности составителей картинокъ съ натуры и всевозможныхъ обличительныхъ рассказовъ. Сколько

теперь я вижу разныхъ почтенныхъ чиновниковъ, предсѣдателей разныхъ учреждений, наконецъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, которые въ упоминаемые мною годы, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, бойко подмахивали свое имя на печатныхъ страницахъ тѣхъ или другихъ, давно уже скончавшихся, журналовъ! И никогда, кажется, не думалось имъ быть писателями, и исчезли-то они разъ навсегда изъ печати весьма скоро! Но тѣмъ не менѣе, 20 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ концѣ 1850-хъ годовъ), многіе изъ нихъ являлись сотрудниками эфемерныхъ изданій.

„Въ этой плеядѣ авторовъ почти не было трудолюбцевъ по отечественной исторіи. Область отечественной старины была заповѣдною землею, куда, подъ вліяніемъ еще мусинъ-пушкинской цензуры, не вступалъ журнальный изслѣдователь. За забраломъ устряловскаго учебника масса русской публики и не видала, и не знала положительно ничего того, что въ настоящее время знаетъ любой гимназистъ среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. И вотъ, выступаю я съ историческими очерками изъ времянь Петра Великаго, изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны, воспроизвожу первые дни царствованія Елисаветы Петровны, наконецъ, во всей подробности раскрываю знаменитую трагедію— дѣло царевича Алексѣя Петровича. Съ бойкостью и увлеченіемъ молодости быстро набрасываю я далеко не зрѣлые очерки; не успѣвъ строго-критически разсмотрѣть тѣ источники, изъ которыхъ черпаю свои свѣдѣнія, прочитываю груду матеріала, но матеріала печатнаго, хотя и вовсе почти невѣдомаго публикѣ. И всѣ эти скороспѣлые труды новоиспеченные журналы, каковы „Русское Слово“, „Свѣточъ“ и другіе, спѣшатъ оттиснуть на своихъ страницахъ, пользуясь тѣмъ, что цензура начинаетъ конфузиться прежняго режима задушенія всего, что только относится до разоблаченія фактовъ изъ недавней отечественной исторіи. Какъ ни незрѣлы были эти очерки, но именно, благодаря невѣднію массы читателей или, лучше сказать, невѣжеству ея въ отечественной исторіи, статьи мои, не скрою, имѣли успѣхъ. Редакціи съ удовольствіемъ ихъ печатали, а я съ увлеченіемъ просиживалъ ночи за записками, а дни проводилъ въ бѣганіи по бібліотекамъ, въ то время, когда надо было еще не писать, а серьезно и всесторонне заканчивать свое образованіе, крайне недостаточное и весьма мало соотвѣт-

ствующее тому поприщу, на которое судьба выдвигала меня. Но какъ уча другихъ, самъ учишься, такъ и я, сочиняя и печатая, болѣе и болѣе знакомился съ избранною мною спеціальностью. Отечественная исторія во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности послѣднихъ трехъ столѣтій, сдѣлалась мнѣ извѣстна какъ нельзя лучше, до такой степени, что я весьма рано почувствовалъ стремленіе изучать ее не въ грудахъ печатнаго русскаго и французскаго матеріаловъ, а въ подлинныхъ архивныхъ источникахъ. Тутъ, на мое счастье, и духъ новаго времени помогъ удовлетворенію моего желанія.

„Въ прежнее недавнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью по запросу самого Августѣйшаго ихъ хозяина. Поинтересовался, напр., знатъ Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волинскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны,— и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ. Духъ новаго времени, повторяю, вскрылъ и затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ конфузились отвѣчать отказомъ. И вотъ, предо мною послѣдовательно открылись архивы главнаго штаба, академіи наукъ, синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга и заглянуть, и въ особенности растворился мнѣ архивъ государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ. Въ этомъ архивѣ я остановился именно на матеріалахъ Петровскаго времени, на что въ особенности меня наталкивало прочтеніе не задолго передъ этимъ вышедшихъ 4-хъ томовъ сочиненія Устрялова „Исторія царствованія Петра Великаго“. Этотъ сухой, безъ всякаго дарованія написанный и на началѣ тисненія остановленный трудъ, однако, былъ для меня и для прочихъ любителей отечественной исторіи крайне важенъ тѣмъ, что въ немъ все было наполнено подлинными архивными матеріалами. Ближе взглянуть на эти